АЛИСА ВЕРНЕР

02:17

ПРОТОКОЛ ЧУЖИХ ЖИЗНЕЙ

МАЯК

18+

Алиса Вернер

"Протоколы чужих жизней"

«Автор»
2026

Вернер А.

"Протоколы чужих жизней" / А. Вернер — «Автор», 2026

Каждую ночь ровно в 02:17 Ася Лебедева просыпается в чужом теле.И каждый раз человеку, которым она стала, осталось жить всего несколько часов.Девять ночей. Девять смертельных опасностей. Девять попыток изменить судьбу.Сначала Ася считает происходящее кошмаром. Но спасённые люди существуют на самом деле. И все они каким-то образом связаны с детским центром «Маяк», где восемнадцать лет назад погибла её мать, а сама Ася потеряла часть воспоминаний.Чем ближе разгадка, тем страшнее становится правда. Кто-то заранее знает, кому предстоит умереть. Кто-то превратил чужие жизни в жестокий эксперимент.Но настоящий ужас начинается на восьмую ночь.Ася открывает глаза в собственной квартире. В её руке пистолет. За дверью спальни спит она сама.И человек, в чьём теле она оказалась, пришёл её убить.До рассвета осталось совсем немного времени.

© Вернер А., 2026
© Автор, 2026

Алиса Вернер
"Протоколы чужих жизней"

Глава 1

АЛИСА ВЕРНЕР
02:17. ПРОТОКОЛ ЧУЖИХ ЖИЗНЕЙ
Психологический триллер с элементами мистики
РОМАН

Аннотация

Каждую ночь в 02:17 Ася Лебедева просыпается в теле человека, которому осталось несколько часов жизни. Первое спасение приводит её к закрытому детскому центру «Маяк», где восемнадцать лет назад погибла мать, а память самой Аси оборвалась. Восемь ночей она пытается изменить чужие смерти. Девятая должна раскрыть, кто подстраивал эти испытания — и зачем. Но прежде Ася просыпается с пистолетом в руке, в своей квартире, в теле человека, которому больше всего доверяла. Чтобы встретить рассвет, ей придётся решить, что означает спасать — и где заканчивается чужая власть над её жизнью.

Содержание

Пролог. Восьмая ночь
Глава 1. Кассета
Глава 2. Под мостом
Глава 3. Человек с двумя датами
Глава 4. Ячейка четырнадцать
Глава 5. Женщина за стеклом
Глава 6. Вера Сергеевна
Глава 7. Нельзя разбудить себя
Глава 8. Третий выход
Глава 9. Дом без адреса
Глава 10. Под плитой
Глава 11. Красное вино
Глава 12. Четвёртая жизнь
Глава 13. Неудачный протокол
Глава 14. Человек у реки
Глава 15. Подпись Артемьева
Глава 16. Смерть с исправлениями
Глава 17. Голос, который остаётся
Глава 18. Тихая палата
Глава 19. Семь секунд тишины
Глава 20. Мальчик по имени Саша
Глава 21. Список живых
Глава 22. Седьмая дверь
Глава 23. Простить не значит забыть
Глава 24. Что было под водой
Глава 25. Встреча с Беловой
Глава 26. Команда
Глава 27. Сорок минут
Глава 28. В моих руках пистолет
Глава 29. Человек, которого я оставила жить
Глава 30. Фонд добрых дел
Глава 31. Не одна
Глава 32. Девятый час
Глава 33. Последняя запись Анны
Глава 34. Кого спасают
Глава 35. Свидетели
Глава 36. Девятый рассвет
Эпилог. Голоса

Пролог. Восьмая ночь

Когда я открыла глаза, в моей руке был пистолет.

Я не сразу поняла, где нахожусь. Передо мной тянулся коридор с серыми обоями. В углу потолка темнело пятно, которое я полгода собиралась закрасить. Возле входной двери висело старое зеркало.

Это была моя квартира.

Только смотрела я на неё с высоты чужого роста.

На мне была чёрная куртка. Ладони — крупные, мужские — крепко сжимали оружие. На левом запястье светились часы: 02:17.

Семь ночей подряд это время становилось началом кошмара. Раньше я просыпалась в телах людей, которым предстояло умереть. Сегодня я стояла у собственной спальни.

В кармане завибрировал телефон. На экране без имени отправителя возникло: «Ты внутри?» Через секунду пришло ещё одно сообщение: «У тебя сорок минут. Она не должна встретить рассвет».

Дверь спальни была приоткрыта. На моей кровати лежала женщина, свернувшаяся на боку. Волосы рассыпались по подушке; тонкая рука выглядывала из-под одеяла. Женщина дышала. Я дышала. И это было самое страшное зрелище в моей жизни.

Я попыталась убрать пистолет. Палец двинулся не сразу, будто телом управляла привычка, которой у меня никогда не было.

— Нет, — сказала я.

На кухне где-то за стеной работал холодильник. Я знала этот звук: двигатель начинал гудеть, потом щёлкал и затихал, оставляя после себя едва слышную вибрацию. В обычной жизни я никогда его не замечала. Сейчас за него можно было ухватиться, как за доказательство, что мир ещё существует вне этого страшного коридора.

На полу возле тумбочки лежала моя домашняя тапочка. Когда-то я купила их, потому что продавщица сказала: «Такие не скользят на кухонной плитке». Теперь я смотрела на одну тапочку чужими глазами и понимала, что знаю о женщине за дверью всё: её страх темноты, привычку класть телефон экраном вниз, родинку под левым ухом. И ничего не знаю о мужчине, чьей рукой держу оружие.

Сердце в его груди ударило неровно. На секунду перед глазами потемнело, а затем пришло странное ощущение — не мысль, не голос, а подавленное сопротивление. Словно кто-то внутри тела тоже пытался удержать палец от движения. Мне захотелось назвать его по имени, но я боялась ошибиться. Ошибка могла стать последней в моей жизни, хотя сама я сейчас стояла по другую сторону двери.

Голос был низким. Знакомым.

Я посмотрела в зеркало шкафа. Мужчина в отражении поднял голову. Я узнала его лицо, шрам у брови и тёмные глаза, на которые слишком часто смотрела последние дни.

Я доверяла этому человеку.

Мама предупреждала: не верь тому, кто первым предложит помощь. Я вспомнила её слова, лишь оказавшись по другую сторону двери.

Глава 1. Кассета

В тот день, когда я впервые проснулась в чужой жизни, ничего необычного не происходило. Разве что утром я разбила любимую чашку.

Она была белая, с синей птицей на боку. Мама подарила её мне на четырнадцатилетие — за несколько недель до своей смерти. Я собрала с пола осколки, оставила себе один с птичьим крылом и опоздала на работу.

Я восстанавливала архивные аудиозаписи. Другие люди любили новые технологии, а мне доставались голоса из прошлого: прокуренные совещания, семейные разговоры, шорох магнитной ленты. Иногда из шума проступало человеческое «пожалуйста», произнесённое десятилетия назад. Тогда казалось, что я на минуту возвращаю кого-то к жизни.

К полудню охранник принёс серый конверт. «Оставила женщина в платке», — сообщил он. Внутри лежала мини-кассета с наклейкой: «Маяк. 17 июля 2008. 02:17». На обороте было написано «Девять».

Я подключила старый диктофон. Сначала — треск. Потом мужское: «Запись начата». И вдруг женский голос, от которого у меня похолодели руки.

— Меня зовут Анна Лебедева. Если кто-нибудь найдёт эту запись, пожалуйста, не верьте официальному отчёту. Детей было не девять. Я видела настоящие списки.

Раздался удар. Женщина испуганно вдохнула.

— Не трогайте её! Ася, солнышко, если ты слышишь меня... Ты не виновата. Что бы тебе ни сказали — не виновата. И не верь тому, кто первым предложит помощь.

Плёнка оборвалась. Я ещё раз нажала воспроизведение, хотя понимала, что больше ничего не появится.

Моя мать погибла в июле 2008 года: автомобиль упал в реку, дверь заклинило. Я знала этот рассказ наизусть. Но ничего не помнила о двух неделях перед её смертью. Врачи называли это последствием шока. Я называла это чёрной дырой.

В то утро у меня уже была назначена встреча с заведующей отделом. Елена Петровна собиралась обсудить бюджет, но вместо этого застала меня над старым диктофоном. Я так быстро выключила воспроизведение, что она остановилась у двери.

— Снова семейные архивы? — спросила она. — Анастасия, я не возражаю против личной работы, но у нас горит проект городского радио.

— Это связано с делом моей матери.

Она положила папку на стол и сняла очки.

— Ты нашла что-нибудь новое?

Елена Петровна знала меня с тех пор, как я пришла двадцатилетней практиканткой и боялась повредить драгоценную запись одним неверным движением. Она была человеком строгим, иногда резким, но никогда не спрашивала, зачем мне так нужны чужие голоса.

Я поставила ей короткий фрагмент. При первых словах мамы она закрыла ладонью рот.

— Это действительно Анна? — спросила она.

— Да.

— Значит, пора обратиться в полицию.

— И сказать им, что мне пришла кассета с голосом женщины, умершей восемнадцать лет назад? Что я ничего не помню о том лете и всё это время, возможно, знала меньше всех?

— Именно это и сказать. Странно — не значит выдумано.

Я выключила аппарат и аккуратно вынула плёнку, словно прикасалась к ране, которая ещё не затянулась. Елена Петровна не стала настаивать. Лишь спросила, где я буду хранить оригинал. Я ответила, что дома. На самом деле решение ещё не приняла. Мне хотелось спря-

тать кассету в сейфе и никогда не слышать её снова. И одновременно — носить в кармане, будто мама могла вдруг продолжить разговор.

Я вспомнила наш последний настоящий вечер. Мы сидели на кухне, она резала яблоки и вдруг попросила меня никогда не бояться просить помощи. «Самые упрямые люди, — сказала она, — чаще всего тонут в стакане воды, потому что не хотят признаться, что им нужен спасательный круг». Мне тогда показалось, что она произносит очередную взрослую глупость. Через две недели я осталась без неё.

Теперь на записи мама просила не верить первому, кто предложит помощь. Слова противоречили друг другу, и это противоречие мучило меня сильнее всего: какое из них было настоящим? Или оба были настоящими, просто произнесёнными в разных обстоятельствах?

Я заметила, что Елена Петровна всё ещё стоит рядом.

— Не оставайся сегодня одна, — попросила она.

— Я не ребёнок.

— Именно поэтому можешь выбирать, кому открывать дверь. И кому не открывать.

Уже уходя, она вернулась и сказала, что в здании архива работают старые камеры безопасности. Если женщина в платке ещё появится, мы хотя бы получим её изображение. Я поблагодарила и впервые за день почувствовала, что не все решения приходится принимать одной.

После её ухода я ещё долго не открывала базу. На столе лежал осколок чашки, который я зачем-то принесла с собой в кармане. Я покрутила его, пытаясь совместить уцелевшую синюю линию с птицей из памяти. Получалось только крыло. Вещи, как выясняется, умеют заканчивать историю посередине.

Кабинет архива помещался в бывшем купеческом доме. Розетки здесь искрили при включении чайника, зимой подоконники покрывались льдом, а в подвале уже тридцать лет стояли коробки, на которых обещали написать номера «на следующей неделе». Я любила это неудобное место. В нём никто не требовал от прошлого быть аккуратным. Для повреждённой записи можно было найти новый способ прочтения; для испорченного человеческого дня — не всегда.

Елена Петровна вернулась с маленькой жестяной коробкой из-под печенья.

— Для оригинала, — сказала она. — И не смотри на меня так. Это не бронесейф, но плёнку хотя бы никто не положит рядом с магнитом.

— Вы меня чему-то учили, значит.

— Я учила тебя работать, когда ты приходила сюда и боялась произнести слово громче шёпота. Помнишь первый испорченный тобой файл?

Я помнила. Старинная запись детского хора после моей неумелой обработки превратилась в хрип. Я три часа пряталась в туалете, потому что решила, что разрушила чей-то единственный голос.

— Ты тогда собиралась увольняться, — продолжила Елена Петровна. — А потом сама нашла резервную копию. И сказала мне замечательную фразу: «Я ошиблась, но это ещё не конец». Попробуй сейчас с неё и начать.

Её слова не отменяли смерть мамы. Не делали кассету безопасной. Но рядом с ними я смогла положить на стол чистый лист и написать то, что действительно знала: происхождение неизвестно; голос похож; дата не подтверждена; название центра существует; кто-то искал дело вчера. Пока только пять строк. Всё остальное было догадками.

Я сделала две цифровые копии. Одну закрыла паролем, другую отдала Елене Петровне на хранение без объяснений, что именно на ней. Затем под микроскопом осмотрела корпус кассеты. В одном углу обнаружилась тонкая царапина, словно устройство когда-то застряло в механизме. На боковой пластине стояли инициалы «А. В.», выведенные иголкой. Мама помечала так мои школьные диктофонные записи, чтобы не перепутать их со своими.

На минуту мне снова стало четырнадцать. Я сидела на кухне и смотрела, как мама чинит перекручивающуюся магнитную ленту карандашом. «Если звук пропадёт, — говорила она, — не торопись думать, что человек исчез. Сначала проверь, где оборвалась дорожка».

Я не могла проверить жизнь, как дорожку. И всё-таки именно эта привычка заставила меня открыть архивную базу, а не выбросить кассету вслед за чашкой.

В архивной базе нашлась карточка: детский центр «Маяк», пожар, эвакуация девяти воспитанников. Материалы следствия были закрыты. Последний просмотр карточки — вчера, в 23:41.

Я увеличила старую газетную фотографию центра. У входа стояли дети. На руке одной девочки алел тканевый браслет. Такой же был на моей фотографии четырнадцатилетней давности — нет, восемнадцатилетней. Я слишком давно перестала считать.

Позвонил неизвестный номер.

— Кассету нужно уничтожить, — сказал мужчина. — Сейчас.

— Кто вы?

— Человек, который ещё может избавить вас от последствий.

— Каких последствий?

— Ваша мать тоже задавала слишком много вопросов.

Связь прервалась. Прежде чем уйти из архива, я попыталась найти женщину, которая принесла конверт. Охранник показал журнал посетителей, но её имени там не было. «Сказала, что доставляет личную вещь, — пояснил он. — Мы не регистрируем каждого, кто оставляет письмо». Он смутился, заметив моё выражение, и добавил, что у неё дрожали руки. Возможно, была больна.

Камеры у входа в тот день работали с перебоями. На одном кадре виднелась спина незнакомки, на другом — пустые ступени. Я попросила выгрузку, хотя начальник службы безопасности сказал, что качество плохое и пользы мало. На одной секунде я заметила отражение в стеклянной двери: женщина стояла прямо, без трости, и смотрела не на охранника, а в камеру. Будто хотела убедиться, что её заметят.

От этого стало по-настоящему неуютно. Кассета могла быть и подарком, и предупреждением, и ловушкой. Любой человек, знающий голос моей матери, мог записать слова, которые заставят меня искать ответы. Но откуда бы он узнал наше детское «солнышко»? Мама называла меня так только дома, причём чаще шептала, чем говорила.

Я позвонила родственнице, которая растила меня после похорон. Тётя Оля жила в другом городе и терпеть не могла разговоры о прошлом.

— Ты опять копаешься в этой аварии? — спросила она, едва услышав моё вступление. — Вере, тебе давно пора научиться жить дальше.

— Я Ася, тётя Оля.

— Я знаю, кто ты. Просто устала бояться каждого твоего звонка. Тебе опять плохо?

Я сказала, что нашла запись. На том конце стало тихо. Потом тётя Оля попросила меня не слушать её ночью.

— Почему?

— Потому что после больницы ты просыпалась с криком, когда слышала её голос. Врачи велели спрятать все кассеты. Мы так и сделали.

После разговора с тётей Олей я вышла в коридор архива и наткнулась на охранника. Он держал кружку с чаем и смотрел на экран камер. Мы почти никогда не разговаривали дольше двух минут, но сегодня я спросила, помнит ли он женщину, которая принесла конверт.

— Платок серый, — ответил он. — Мелкий цветочек по краю. И сумка тяжёлая. Она её двумя руками ставила на стойку.

— Вы уверены, что женщина была пожилая?

— Да кто теперь угадает возраст под платком? — усмехнулся он. — Я на лица не очень. Зато помню, что у неё на пальце была краска. Синяя. Она оставила след на ручке двери.

Мы пошли к входу. На латунной ручке действительно виднелось маленькое пятно, уже затёртое десятками ладоней. Я достала телефон, сфотографировала. Охранник удивился: для него это была просто грязь.

— Полицию вызывать? — спросил он.

— Пока не знаю. Но записи с камеры лучше сохранить.

Он повёл меня в тесную комнату возле щитовой. Камера над входом показывала тёмную фигуру, почти скрытую широким капюшоном. Лица не было видно, зато женщина на секунду подняла голову, когда за спиной хлопнула дверь. Я остановила кадр. На ремне её сумки болтался брелок — деревянная птица с синим крылом.

— Такая игрушка у меня была в детстве, — произнесла я.

— Мало ли игрушек, — сказал охранник.

Он был прав. Деревянных птиц в мире наверняка тысячи. Но как объяснить, что на той, из памяти, тоже недоставало кусочка хвоста? Я увеличила изображение, насколько позволяла программа. Стало хуже: вместо деталей появились квадраты.

Охранник предложил сделать копию на флешку. Я отказалась брать единственный экземпляр и попросила сохранить оригинал у них. Он удивлённо поднял брови, но выполнил. Я записала время кадра в блокнот: 11:23.

Когда мы расстались, мне пришло сообщение от Елены Петровны: «Поезжай домой, если не можешь работать. В отчёте напишу, что ты проверяешь старые фонограммы. Это почти правда». Я посмотрела на часы. Впервые за день мне захотелось не бежать дальше, а просто добраться до дома до темноты.

Однако в сумке лежала кассета, и я знала: сегодня всё равно не смогу уснуть спокойно.

Она не объяснила, какие врачи. Сказала, что больше ничего не помнит. Я поняла: чтобы найти правду, придётся возвращаться не только в документы, но и к людям, которые много лет считали моё молчание лекарством.

Вечером я отнесла кассету домой, закрыла дверь спальни на защёлку и долго лежала с открытыми глазами. Перед сном посмотрела на часы: 01:48.

Проснулась я в движущейся машине.

Мокрая дорога скользила под фарами. На руле лежали чужие мужские руки. От собственного крика меня оглушило: голос тоже был мужским.

На панели светилось 02:17. Я нажала на тормоз — педаль провалилась. Позади приблизился белый фургон и ударил в бампер. Я едва удержала машину на мосту. Второй удар швырнул её в ограждение.

Подушка безопасности раскрылась белой вспышкой. Лоб разбило о пластик. Сзади остановился фургон. Из него вышел человек в капюшоне.

Я вывалилась через пассажирскую дверь и скатилась по откосу под мост. Мужчина наверху крикнул:

— Денис! Выходи! Мы знаем, что ты здесь!

Я зажала рот ладонью. И впервые подумала, что, возможно, страшнее умереть в чужом теле — вернуться оттуда живой.

Глава 2. Под мостом

Вода под мостом шумела так громко, что я не слышала шагов. Я сидела в грязи, обняв колени, и ощущала, как чужая кровь стекает по шее. Рядом лежала ржавая жестянка, выброшенная рекой. Я стиснула её, хотя оружием она стать не могла.

— Денис, — сказал мужчина сверху уже тише. — Не усложняй. Нам приказано забрать папку. Тебя никто не хочет трогать.

Второй голос ответил: «Приказ изменился». За этим последовал сухой звук, от которого кожа покрылась мурашками. Кто-то передёрнул затвор.

В укрытии под мостом я услышала, как один из преследователей набирает номер. Он говорил коротко, без эмоций. Мне удалось различить лишь два слова: «объект» и «выживет». В других обстоятельствах это могло бы звучать как надежда. Здесь — как предупреждение.

Я прижалась к бетону. Над правым ухом тянулся глубокий гул, будто в голове работал трансформатор. Кровь засыхала на воротнике. Неожиданно меня посетило чужое воспоминание: мальчик стоит у окна в комнате с голубыми стенами, на подоконнике лежит игрушечная машинка. Кто-то зовёт его: «Дениска, не ходи туда, там опять считают».

Видение исчезло прежде, чем я поняла, откуда взялось. Я не знала, какие мысли принадлежат мне, а какие хранятся в этом теле. Может, всё это был мозг Дениса, умирающий в холодной грязи? Тогда почему я помнила собственную квартиру и мамину чашку?

Я попробовала мысленно назвать себя: Анастасия Лебедева. Тридцать два года. Архив. Дом с серыми обоями. Все слова отозвались привычно, кроме «архив». Это слово оказалось словно закрашено на секунду чужим ужасом.

Преследователи приблизились. Я увидела у края откоса ботинки: один мужчина носил тяжёлые рабочие, второй — слишком чистые для такой ночи. Второй спросил, видел ли первый женщину. Я вздрогнула. Они искали Дениса, но уже знали о женщине?

— Она его не оставит, — ответил первый.

— Так и задумано. Главное, чтобы сохранила путь.

Я не поняла ни слова. Но в голове вдруг возникла ясная мысль: им недостаточно моей смерти. Они хотели, чтобы я куда-то пришла, воспользовавшись этим чужим телом.

Когда сапоги ушли дальше по откосу, я позволила себе вдохнуть. В кармане Дениса нашлась аптечная повязка; по привычке я хотела приложить её ко лбу, но руки дрожали так сильно, что ткань упала в грязь. Я стиснула зубы и подняла её. Нетрудно быть смелой, пока смотришь на страшную историю со стороны. Страшно, когда каждая секунда принадлежит чьему-то дыханию.

Чуть дальше вода с шумом билась о старую покрышку, застрявшую между опорами. Я на секунду представила, что могу просто отпустить себя в реку. Оказаться в собственном теле, проснуться дома, объявить всё кошмаром. Но тогда Денис останется под мостом — один, раненый, с людьми, которые готовы добить его ради какой-то папки. И мысль об этом оказалась невыносимой.

Я подняла голову. Наверху горел одинокий жёлтый фонарь, почти такой же, как в коридоре нашего дома. Дом был в нескольких километрах отсюда, но тогда это расстояние казалось большим, чем восемнадцать лет между мной и мамой.

Я поползла между опорами. Под ладонью нащупался телефон с разбитым экраном. Он был в кармане куртки мужчины, чьё тело я заняла. На экране светилось непрочитанное сообщение от «Л»: «Если не успеешь — автобусная касса, ячейка 14. Код — наш год».

В кармане обнаружились ключи и сложенный билет на междугородний автобус. В билет были вписаны имя ДЕНИС РУДНЕВ и дата рождения: 1993. Мне захотелось закричать от

абсурдности происходящего. Я не знала этого человека, но знала его возраст, запах крови и то, как ноет его сломанное ребро.

Вместе с билетом в кармане оказалась смятая бумажная салфетка. На ней детской рукой была нарисована синяя птица и надпись: «Папе от Тони». Я смотрела на неё, не понимая, почему Денис носит чужую детскую поделку. Возможно, дочь, племянница, крестница; у каждого человека есть связи, которые не помещаются в медицинскую карту. Я разгладила бумагу и спрятала обратно, стараясь не испачкать кровью.

Где-то по мосту проехала машина. Звук шин по мокрому асфальту донёсся вниз. Я хотела крикнуть, но от глубокого вдоха ребро вспыхнуло болью. Перед глазами на секунду возникла чужая память: небольшая кухня, девочка лет семи в полосатом свитере, гневно складывающая руки на груди. «Ты опять не пришёл, — сказала она. — Я ждала». Воспоминание исчезло так быстро, будто кто-то дёрнул штору.

Я не знала, была ли девочка настоящей. Но чувство стыда было настоящим: не моё, тяжёлое и давнее, словно годами носимое под одеждой. В нём не было ничего от угрозы сегодняшней ночи. Только обычная взрослая вина за то, что не пришёл вовремя к ребёнку.

Значит, в теле Дениса оставалось нечто большее, чем привычки и боль. Иногда я чувствовала его жизнь не словами, а крошечными толчками памяти. Что, если он тоже ощущает меня? Что, если в глубине собственного сознания Денис наблюдает, как посторонняя женщина выбирает, умирать ему или нет?

Тогда я впервые попыталась обратиться к нему не вслух.

«Если ты меня слышишь, помоги. Я не знаю, кто за нами идёт».

Ответа не было. Только пальцы сами потянулись к левому карману, где скрывалась металлическая фишка от камеры хранения. Маленькая холодная вещь с выбитым числом четырнадцать. Не знаю, моё это было движение или Дениса. Я крепко сжала фишку: теперь у меня появился не только страх, но и направление.

Над головой кто-то выругался. Луч фонаря скользнул вдоль бетонной опоры. Я прижалась к мокрой стене, сосчитала три вдоха, потом ещё три. Пока они искали меня у реки, я могла попытаться добраться до лестницы. Думать о том, кто я такая, придётся позже. Сейчас единственное важное имя было написано на автобусном билете.

Над рекой вспыхнул фонарь. Луч скользнул по бетону. Я бросила в воду железку; плеск заставил преследователей рвануть к берегу. В противоположную сторону я поползла к лестнице технического прохода.

В конце тоннеля стояла запертая решётка. Чужие руки дрожали, пока я перебирала связку ключей. Третий подошёл. Решётка подалась. Я выбралась на улицу возле круглосуточной автомойки, ударила ладонью в окно будки охранника и прохрипела:

— Вызовите полицию. На мосту авария. И «скорую».

Охранник испугался сильнее меня. До приезда медиков я успела сказать ему имя Дениса и номер фургона, который запомнила по отражению в разбитом зеркале. Затем темнота будто сложилась пополам.

Пока я ждала у будки скорую, охранник автомойки принёс одеяло. Он всё время разговаривал, называя меня то «парень», то «сынок», и спрашивал, где мой дом. Я отвечала коротко. Чем больше пыталась придумать правдоподобную историю, тем сильнее путалась в местоимениях.

Когда охранник автомойки накрыл меня пледом, я заметила у него на столе маленькую фотографию: мужчина средних лет стоит рядом с девочкой, у обоих одинаковые смешные шапки. Охранник всё говорил, чтобы я не закрывала глаза, и даже начал рассказывать, как недавно ездил к дочери на день рождения. Он не понимал, зачем это делает. Может быть, потому, что не знал, как ещё удержать раненого незнакомца в сознании.

— А что вы здесь ночью делали? — спросил он.

Я хотела ответить: «Умирала в чужой машине». Но вместо этого сказала, что попала в аварию и меня преследовали. Он кивнул, словно такое случалось на его смене постоянно, хотя руки у него заметно дрожали.

— Я номер фургона записал, — сообщил он. — Пока свежо в голове. Вот, на салфетке. Главное, пусть полиция проверит.

Я посмотрела на листок. Одна цифра была перечёркнута и исправлена.

— Почему вы её изменили?

— Сначала показалось восемь. Потом вспомнил, что там две петли, но нижняя открытая. Значит, три. Лучше пусть знают, что я не уверен.

Эта осторожность неожиданно тронула меня. Люди, которые составляли отчёты о «Маяке», наверняка не допускали ни одной неуверенной цифры. Они вписывали нужные ответы уверенным почерком. А охранник с автомойки честно помнил только часть номера. И его сомнение было ценнее чужой поддельной точности.

— Если вам позвонит кто-то незнакомый, — сказала я, — не сообщайте, где вы записали номер. Передайте его только полиции.

Он глянул на меня.

— Думаете, ещё вернутся?

— Не знаю. Но они искали человека, которого сейчас увезут.

Издали донёсся звук сирены. Охранник вышел встречать медиков, оставив меня на секунду в будке. Я посмотрела на мужские руки, выступающие из-под пледа. Чужая кровь засыхала на костяшках, пальцы неровно подрагивали. Мне хотелось извиниться перед Денисом за то, что не могла объяснить, как всё произошло.

— Постарайся не забыть, — прошептала я ему. — Тебя ждали. Тебя спасли. И ты сам очень хотел жить.

Сирена остановилась у дверей. Я подняла голову навстречу людям в светоотражающих куртках и впервые за эту ночь перестала бояться каждого незнакомца.

— Меня зовут Денис, — наконец сказала я.

— Уже хорошо, — ответил охранник. — А у меня отец в молодости всё скрывал, когда попадал в беду. Говорил, что справится. Потом лечился от последствий своей смелости полгода. Так что не надо мне геройства. Сиди и дыши.

Он проверил, не видно ли фургона возле моста. Я видела, как его собака, старая рыжая дворняга, нюхает мои ботинки. Собака не знала, что я не тот человек, чьё тело она обнюхивает. Она просто ткнулась носом в ладонь и замахала хвостом.

Когда приехали медики, один спросил, потерял ли я сознание после удара. Я сказала, что не знаю. Он осторожно ощупал шею, проверил реакцию зрачков и велел не двигаться. Я услышала, как охранник диктует полиции номер фургона, и почувствовала облегчение: детали теперь будут записаны кем-то ещё.

В машине скорой помощи на боковой стенке висело маленькое зеркало. Я увидела в нём Дениса — грязного, израненного, совсем незнакомого. Захотелось сказать ему, что мне жаль. Я не знала, что будет с ним после моего ухода. Но знала, что у него останется шанс самостоятельно решить, что делать дальше.

Фельдшер накрыл нас одеялом. Он говорил о больнице, рентгене, анализах. Я слушала его голос, пока всё вокруг не стало расплываться. И успела подумать, что жизнь иногда спасают не чудеса, а мужчина в будке автомойки, который не задаёт лишних вопросов и вовремя звонит по нужному номеру.

Я проснулась в собственной постели. Часы показывали 04:06. На мне была сухая пижама, дверь спальни оставалась закрытой. Сердце стучало так, что боль отдавалась в виски.

Проверка была нелепой: я открыла новости на телефоне. Через двадцать минут местный портал сообщил о столкновении на Северном мосту. Водитель, тридцатитрёхлетний мужчина, выжил. Полицейские искали белый фургон.

Я долго смотрела на короткий текст. Потом пошла в ванную, села на холодный пол и заплакала. Не потому, что со мной случилось чудо. Потому, что впервые поняла цену слова «выжил».

Утром на автоответчике остался голос неизвестного: «Не спасайте их, Анастасия. Вы не знаете, что возвращаете».

Глава 3. Человек с двумя датами

В больнице меня встретили недоверчиво. Я сказала, что родственница Дениса Руднева, и тут же запуталась, когда спросили степень родства. Девушка в регистратуре уже собиралась отказать, но позади прозвучал ровный голос:

— Она со мной.

Мужчина в сером пальто предъявил удостоверение. Следователь Егор Рощин. Тёмные волосы, небольшая белая полоска шрама у правой брови. Он отвёл меня от стойки и спросил:

— Почему вы интересуетесь пострадавшим?

— Прочитала про аварию.

— Понятно. Обычно после газетных заметок люди не спрашивают о состоянии пациента по имени.

Я промолчала. Он смотрел не зло, скорее устало. Когда я назвала номер белого фургона, его выражение изменилось.

— Откуда?

— Мне сообщили.

— Кто?

— Не знаю. И вы мне всё равно не поверите.

— Попробуйте.

Я могла рассказать про чужие руки на руле, но представила кабинет психиатра. Вместо этого призналась в кассете, записанной матерью. Егор слушал, не перебивая. Сказал, что пожар в «Маяке» действительно расследовали, но дело закрыли. Его отец работал тогда в прокуратуре; через два года умер от инсульта. «Отец редко говорил о работе. О «Маяке» — никогда».

По дороге в палату Егор задал ещё несколько вопросов. Не следовательских — человеческих. Он спросил, давно ли у меня нарушился сон, принимаю ли я лекарства, есть ли близкие, которые заметили изменения. Меня раздражала эта осторожность. Казалось, он медленно подводит меня к признанию, что я не в себе.

— Я не употребляю ничего, что могло бы вызвать галлюцинации, — сказала я наконец. — И к психиатру пока не собираюсь.

— Я не предлагал.

— У вас лицо такое.

Он неожиданно усмехнулся.

— У меня всегда лицо такое. Мне говорят, оно испортило не одно семейное торжество.

Эта короткая шутка сбила напряжение. Мы остановились возле автомата с водой. Я вспомнила, что ничего не ела с утра, и вдруг почувствовала, как сильно подкашиваются ноги. Егор купил два стаканчика чая, один протянул мне.

— Если бы вы были причастны к нападению, — сказал он, — вероятно, не стали бы приходить сюда и задавать вопросы по чужому имени. Но вы знаете больше, чем говорите. Я не имею права игнорировать это.

— А у меня есть право молчать?

— Конечно.

Я подняла стаканчик, обожгла язык и почти рассмеялась. Странная вещь: после ночи в теле незнакомого мужчины мне казалось удивительным, что горячий чай способен причинить обычную, маленькую боль.

У двери палаты дежурил полицейский. Он не позволил нам войти сразу: врач проводил осмотр. Мы стояли напротив окна, за которым город медленно оживал. Люди покупали кофе, автобусы забирали школьников, девушка с цветами спорила по телефону. Мир был невозможным образом равнодушен к тому, что один человек вчера чуть не умер на мосту.

— Он мог погибнуть, — сказала я.

— Да. Кто-то очень старался.

— И если бы погиб, вы бы просто записали «несчастный случай»?

Егор повернулся ко мне.

— Если бы проверка показала несчастный случай, я бы так и записал. Но она показывает другое. Повреждён тормозной шланг, а камера на мосту зафиксировала фургон. Сама авария спланирована. Я занимаюсь этим не потому, что вы пришли, а потому что вижу следы преступления.

Мне стало немного легче. Не от правоты, а от того, что хотя бы часть ужаса поддавалась обычной проверке.

Прежде чем дверь открыли, Егор спросил:

— Вы доверяете человеку, который передал вам кассету?

— Я его не знаю.

— Тогда почему решили, что запись подлинная?

Я посмотрела на него. Удивительно, но это был первый вопрос, который стоило задать самой себе.

— По голосу, — ответила я. — Но я могу ошибаться.

— Можем проверить фонетику, шумы, происхождение плёнки. Если вы захотите.

Пока санитарка искала разрешение на посещение, мы стояли у автомата с горячей водой. За дверями отделения перемещались каталки, звенела посуда, кто-то требовал у медсестры ещё одно одеяло. Я вдруг поймала себя на странном желании, чтобы Егор немедленно надел на меня наручники. Тогда я оказалась бы в обычной, понятной истории: женщина подозревается в преступлении и должна объяснить, где была ночью. Такой порядок нравился мне гораздо больше происходящего.

— Вы смотрите на дверь, как будто там написан правильный ответ, — заметил он.

— Я просто пытаюсь понять, почему вы мне не задаёте самый очевидный вопрос.

— Какой?

— Не сошла ли я с ума.

Он повернул стаканчик так, чтобы крышка была обращена ко мне. На ней лежала крошечная сахарная крупинка.

— Это вопрос для врача, не для следователя. И даже врач, если он хороший, сначала послушает, что вы рассказываете.

— Вы очень корректны. Обычно это настораживает.

— В моей работе некорректность обходится дороже.

Я спросила, как он оказался в больнице именно тогда, когда пришла я. Он ответил, что расследует покушение на Дениса: в машине нашли повреждения тормозной системы и следы удара, несовместимые с потерей управления. Расследует официально, но о связи с «Маяком» узнал только утром. Мой приход был неожиданностью. По крайней мере, так утверждал он.

— У вас есть доказательство? — спросила я.

— Что я не подстроил встречу? Нет. У вас есть доказательство, что кассету передала женщина в платке, а не вы сами положили её в конверт?

— На камере архива должна быть запись.

— Значит, проверим.

Мне хотелось обидеться на его сомнение, но оно действовало странно успокаивающе. Кто-то наконец спрашивал не о моих чувствах, а о событиях, которые можно было подтвердить.

Мимо прошла молодая женщина с игрушечным медведем. Она держала его за лапу, словно ребёнка, а не вещь. У дверей реанимации её остановила сестра и тихо что-то сказала. Женщина опустилась на стул, не выпуская медведя. Я поспешно отвернулась. Вчера я не могла смотреть на чужой страх без ощущения, что он вот-вот станет моим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.